

Край городищ и нерестилищ

Промысловая рыба в крае переживает не лучшие времена – из-за сокращения штата инспекторов рыбоохраны браконьеры просто свирепствуют, да ещё и погода смотрит зверем. Чтобы своими глазами увидеть, плодится ли рыба, утром 8 июня корреспондент «Новой городской» отправился в поездку с начальником Верхнекамского межрайонного отдела «Главрыбвод» Светланой Евлоевой. Мы поехали проверять нерестилища.

«Больше не будем!»

Светлане Юрьевне по роду службы приходится преодолевать сотни километров по воде, бездорожью и снегам, так что поехали мы не куда-нибудь, а в Пожву, что в Коми-округе. От Березников до неё без малого три часа езды: сначала по разбитому асфальту, что был уложен в прошлом веке в несуществующей уже стране, затем по раздавленной, раскисшей под дождями грунтовке. По асфальту ехать неприятнее, но удивляет, прежде всего, не бездорожье, а полнейшее безлюдье. До развязки Таман – Шемейный – Кудымкар нам вообще никто не встретился по дороге, а после всего две машины и автобус «Березники – Кудымкар». Мы как раз остановились, чтобы размять ноги, когда он пронёсся мимо и обдал щебнем обочину. И всё, снова тишина. Только кукушка отсчитывает чьи-то годы.

Дорога тянется сквозь дремучие леса и постсоветскую разруху. Тут и там виднеются рёбра истлевших молочных ферм; обвалившиеся заборы и заросшие боршевиком картофельно-гороховые поля; чёрные дома с провалившимися крышами, в которых и призракам неуютно. В одном из проскочивших мимо посёлков по колени в грязи окопалась лесозаготовительная компания. «Требуются разнорабочие», гласило объявление на воротах.

— Где ж их возьмёшь, рабочих, — говорит Светлана Юрьевна. — Тут кроме нескольких стариков никто не живёт.

Один знак меняет другой: Ощепково, Лемзер, Городище, Шемейный, Кама, ещё одно Городище, Пожва... Сколько же в крае Городищ? В Соликамске вон тоже есть. То ли наши предки жили слишком обособленно, чтобы знать, как называются сёла в чаше пути, то ли чувство юмора такое — будто нарочно вносили сумятицу в ряды заезжих путешественников. Поди тут разбери, в каком Городище самая нажористая рыба...

По пути Светлана Юрьевна делится своими наблюдениями: какой народ где живёт, да чем промышляется. В Каме, например, живут тяжёлые, дикие люди — там многонациональная смесь из бывших зеков и вахтовиков. Один пьёт, другой рыбачит, третий живёт собирательством. Посёлок вообще маленький и не са-

мый цивилизованный — школы нет, мусорных контейнеров тоже. Все отходы мешками и пакетами швыряют прямо в реку. Однажды во время рейда Светлана Евлоева поймала за руку пару здешних браконьеров. Те взмолились: «Больше не будем, только верните нам сети!» Рассудив, что штрафовать этих бессеребренников бесполезно (денег у них всё равно нет), Светлана Юрьевна приказала им расчистить берега от мусора. И ведь расчистили!

«Рыбачь!»

Момент, с которого начинается Коми, прослеживается сразу. Во-первых, дорога становится лучше: хоть и грунтовка, но жёсткая и ровная, шебня на неё не пожалели. Во-вторых, лес вокруг становится... добрее, что ли. Если до этого момента вдоль обочин тянулась густая осиновая сельва, в которой так любят гнездиться дикие осы, а лес больше напоминал спутанную бороду бродяги, то здесь — стройные берёзы и сосны.

В Пожве начинаешь понижать, насколько же, всё-таки,

бытие определяет сознание. Оторванность от крупных городов, всё та же распутица и недостаток рабочих мест заставляют шестерёнки в голове крутиться с удвоенной силой, иначе впадёшь в отчаяние и сопьёшься. Поэтому в одном из домов живёт настоящий «кулибин», собирающий вездеходы на основе мотоциклов и внедорожников — всё это добро он выставляет на продажу и неплохо живёт, — а в другом доме на берегу самого широкого участка Камы живёт Алексей Тудасев. Именно Алексей и стал нашим проводником по Каме.

Светлана Юрьевна знает его давно, только с ним и ездит на нерестилища (никому другому свою жизнь не доверяет), а я с интересом наблюдал за действиями Алексея: как он выводит лодку из гаража, как готовит её к отплытию. Увидев, что я сунулся к реке в обычной куртке, Алексей принёс обивший видки непромокаемый плащ и без единого слова подал его мне. Этот высокий поджарый мужчина в штормовой одежде всё делает основательно и молча, без суеты.

Нацепив плащ и спасательный жилет, я уселся в лодку и мы тронулись.

Алексею уже за сорок, и в Пожве он провёл всю жизнь. Несмотря на близость к реке, никто в его семье серьёзно не рыбачил: отец работал в леспромпхозе, дед — лесником, сам Алексей после школы устроился столяром на завод. Но после развала СССР наступила чёрная полоса. Сначала закрылся завод, с ним закончились и деньги (а другую работу

поди-ка найди), затем от Алексея ушла жена — короче говоря, хоть белугой ори. И как-то раз к нему во сне пришёл его дед, погрозил кулаком, и строго так сказал: «Рыбачь, и всё у тебя будет!» Едва проснувшись, Алексей раздобыл сеть, наловил рыбы и сразу же подвернулся клиент, который всю её сразу и купил. Выручив таким образом почти месячную заводскую зарплату, Алексей понял, что жить можно. Вскоре он оформил частное предпринимательство, арендовал участок на реке и уже лет 15 занимается промысловым рыболовством. Снова женился. Лещ, судак, налим и щука, которых ловит Алексей, быстро расходятся по всему краю, у него есть собственный небольшой цех по переработке: соленье, вяление, копчение. Понимая, что от нереста зависит и его заработок, Алексей охотно и совершенно бесплатно помогает «КамУралрыбводу» заботиться о рыбе в реке.

Добрянка по курсу

Уже через пару минут мы набрали порядочную скорость. Алексей уверенно вёл лодку среди «барашков», бочком-бочком преодолевая самые большие волны. Кама кажется морем, настолько она широка. Где-то через полчаса Светлана Юрьевна оборачивается ко мне и показывает на горизонт.

— Видите те две трубы? — кричит она, стараясь перекрыть рёв мотора.

— Да!

— Это Добрянка!

Вскоре мы начали приближаться к левому берегу, на котором аккуратными пирамидами лежал обработанный лес. Это залив реки Лысь, тут около сотни нерестилищ. Издали кажется, будто у берега плещется мусор, ан нет — квадратные поплавки из пеноплекса. От каждого в воду тянется бечёвка с привязанным к ней «веником» из елового лапника, и суда по тому, что поплавки болтаются рядышком друг с другом почти в линию, под водой наверняка сплошная хвойная стена.

Алексей глушит мотор и медленно идёт на вёслах от одного полавка к другому. Светлана Юрьевна небольшим багром подтягивает первую бечёвку и вынимает из реки пару связанных веток. Оглядела, прополоскала в воде, погрузила обратно, подтягивает следующую. Одна, вторая... Я ничего не могу понять: это просто еловые лапы, с которых льётся вода. Зато на следующем гнезде висела розовая икраная гирлянда.

— Обычно икры больше, — говорит Светлана Юрьевна. — К этому времени еловые ветки буквально увешаны ею.

Суть дела в том, что в естественных нерестилищах из 10 икринок выживает только одна-две: рыба зачастую мечет икру где-нибудь на мелководье у берега, и когда река опадает, икра остаётся лежать на открытом воздухе. Это делает её лёгкой добычей для птиц и грызунов. Искусственные же нерестилища позволяют не только сохранить икру, но и выжить большинству мальков. Их ставят

почти у самого берега на глубине около полутора метров: тут вода и прогревается хорошо, и обмельчание не так страшно. Всего лишь и нужно, что приехать раз-другой, прополоскать «веник», чтобы не заилился, и передвинуть в случае необходимости. Само нерестилище с икрой можно перенести в другой, малорыбный участок реки, чтобы восстановить естественный природный баланс. Рыбу привлекает хвойный запах, поэтому лапник и ёлки должны быть свежесрубленными. Пихту тоже можно использовать, но всё-таки рыбе больше нравится ель.

«Здесь рыбы нет!»

Проверяем дальше. Десять, двадцать, тридцать нерестилищ. Только на каждом третьем висит синцовая или окупёвая икра. Мы с Алексеем смеёмся, вспомнили ералашевское «Здесь рыбы нет!» Снова ревьёт мотор, снова волны. Теперь уже мы идём в залив Городищенки. Четвёртый раз за день пошёл дождь, а на большой скорости это болезненная штука. В Городищенке «улов» оказался чуть богаче: примерно каждое второе нерестилище с икрой. Зачастую лягушачьей.

— Цапли здесь водятся? — спрашиваю Алексея, разглядывая нитки чёрного жемчуга.

— Видел как-то раз.

— С голоду не помрут.

Дождь пошёл с такой силой, что мы пришвартовались к ближайшему берегу. Там у Алексея как раз уютная избушка для себя и пары знакомых рыбаков. Пока сохли у печи, травили байки и пили чай, Светлана Евлоева рассказала, что с тех пор, как Рыбоохрану в 2004 году расформировали, охрана рыбных ресурсов превратилась в фарс. Инспекторов стало в три раза меньше, ездят без оружия, а браконьеров на этой почве только прибавилось. Хорошо хоть в последние годы ведомство начало выдавать сотрудникам технику.

Когда дождь закончился, мы вернулись в лодку. И снова льётся вода с густых еловых лап.

— Вода в этом году поднималась долго, плюс холод, — рассуждает Светлана Евлоева. — Похоже, мы немного опоздали. Обычно устанавливаем нерестилища с 5 по 12 мая, и когда через 4-5 дней возвращаемся, чтобы промыть ветки, многие увешаны синцовой и окупёвой икрой, как новогодней гирляндой. А в этом мае всё погоды не было, поэтому выехали поздно — значительная часть рыбы к тому времени уже отнерестилась. Значит, сейчас ждём леща, густеры, уклея.

Догадка Светланы Юрьевны подтвердилась через минуту, когда она вытащила из воды ёлочку со скромной икорной «подвеской» — лещ заплывал!

По итогам, икра была на 35-40% нерестовых гнёзд из 350.

А когда вышли на берег, чтобы перекусить, обнаружили возле старого кострища кучку крупной чешуи.

— Браконьеры, — сказала Светлана Юрьевна.

Александр БАБИН, фото автора

